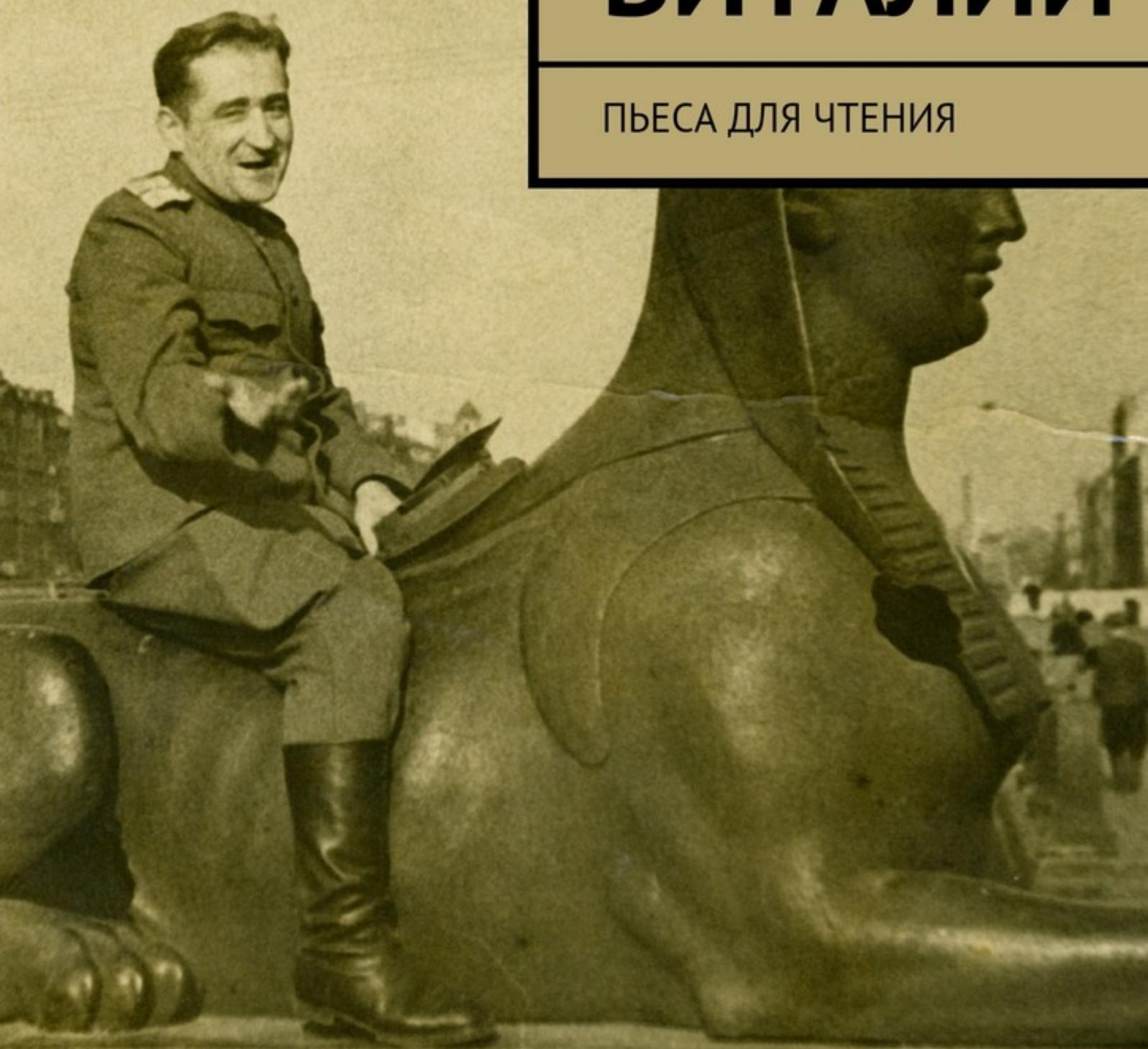

АНДРЕЙ ВАСИЛЕВСКИЙ

ВИТАЛИЙ

ПЬЕСА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Андрей Василевский
Виталий

«Издательские решения»

Василевский А. В.

Виталий / А. В. Василевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-97101-1

В пьесе использован дневник советского писателя В. С. Василевского (1908 — 1991) за 1935 — 1941 гг. В приложении даны некоторые послевоенные записи из блокнотов В. С. Василевского.

ISBN 978-5-457-97101-1

© Василевский А. В.
© Издательские решения

Содержание

Виталий	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виталий
Пьеса для чтения
Андрей Витальевич Василевский

© Андрей Витальевич Василевский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виталий Пьеса для чтения

Действующие лица:

В и т а л и й, молодой журналист, около 30 лет, не красавец.

О н а.

Возраст актеров значения не имеет.

В пьесе использован дневник советского писателя В. С. Василевского (1908 – 1991) за 1935 – 1941 гг.

В и т а л и й сидит в кресле, дремлет. О н а читает тетрадь в красной обложке.

В и т а л и й (*бормочет*). Мне часто очень плохо жить.

О н а (*с выражением*). «Накануне отъезда на Урал...»

В и т а л и й (*очнувшись*). Здесь, в Москве, первого декабря тысяча девятьсот тридцать пятого года накануне отъезда на Урал я начинаю новую тетрадь дневника. Вот я еду, и три ближайших месяца заняты книгой о меди. Видимо, так нужно. В Москве запретили мой очерк – обидно. Писать по линейке? Это еще хуже. Жаль, если очерк пропадет. Это совсем не плохой очерк. Я привыкаю, что я настоящий писатель, хотя я все еще не знаю, писатель ли я.

О н а (*читает, чем дальше, тем реже заглядывая к красную тетрадь*). Муся вышла замуж. У нее будет ребенок. Я люблю ее и рад за нее. Она говорит, что если бы я был года на два старше, она полюбила бы меня.

Я люблю бывать в ее маленькой комнатке, где книги, стихи, работа. И вот сегодня я говорю ей обо мне и о чужой жене, и она просит меня не ломать чужую семью.

В и т а л и й. Шестого декабря я в Свердловске. Два дня пути в купе международного вагона. Дорога... это уже описано в рассказе «Концерт». В Свердловске снег, мороз. Это мой Урал, и я совсем не собираюсь его ругать, хотя жить на Урале холодно и неудобно. На десятом этаже квартира Колегаева. Колегаев в очках, говорит о меди умно и твердо. Слова о вымышленном герое свидетельствуют о его культуре. Он эсер, первый комиссар земледелия в советском правительстве. Сын народовольца. Его описал Пильняк в «Голом годе»: кожаная куртка и прочее. Розовые дымы Красноуральска, сосны, мы едем на Ново-Левинский рудник. Спуск в шахту по узеньким и крутым лесенкам. Пожарный горизонт, где работают голые забойщики. Дом Макарова, его стихи. Коньяк. Вечером вагон Колегаева выглядит как штаб фронта. (*Пауза.*) «Фиеста» Хэмингуэя – печальная тоскливая книга огромного мастерства. Простота, выверенность композиции, точность диалога. О чем эта книга? О тоске.

О н а. И Катя. Вечер танцев в Доме культуры, Яшка, мелкий холуй и сводня. И беленькая девочка Катя. Дочь ее с ненавистью глядит на меня и целует маму. Девочки Зоя, Тая, Поля. Патефон. И опять вечеринка. Трепещущее тело Кати. Утром дочь: «Мама, ты обманула меня». И еще три ночи. И я уезжаю. Слезы. Катенька Соллогуб, из Уфы, уфимская девочка, жила с трех лет у бабушки, муж убежал. Катенька Соллогуб, когда ты лежала на кровати и плакала и дочь сказала тебе – мама, не плачь, я сама завтра вымою пол – и ты плакала, но о чем, не обо мне же? О красноуральской скуке, о горькой своей жизни, об одиночестве. Я обещал приехать еще. Зачем я обещал это?

В и т а л и й. Она смеялась и плакала и обнимала меня. Мне нужно жить... Мне нужно жить так – ездить и писать.

О н а. А нужно ли мне жениться? Но почему же я думаю и сегодня о ней – о беленькой девочке, похожей на мальчика.

В и т а л и й. Триумфальная площадь названа именем Маяковского.
И здесь нужны были слова Сталина, чтобы понять поэта.

О н а. Жить с женою жизнь – разве это плохо?

В и т а л и й. Мои планы на тридцать пятый год не выполнены. Поэтому я боюсь верстать план на тридцать шестой. Будет ли книга? Повесть лежит четыре года. А пьеса? А рассказы? И напечатает ли мои рассказы «Звезда»? Еще одно какое-то незначительное, может быть, усилие – и я победитель. Но вот нет пока ощущения подлинного писательского... положения.

О н а. По-ло-же-ни-я.

В и т а л и й. Алексей Максимович прислал письмо, что рассказ мой хороший, что радостно, что молодежь пишет экономно и грамотно. Обещает добиться напечатания рассказа. Буду рад, если так. А похвала Горького? Конечно приятно.

О н а. Два разговора по телефону. Ее горловой нежный голос. Ночные поездки на Пышму, сосны, снега.

В и т а л и й. Уже двадцать седьмое, я все еще в Свердловске. Цветное кино – «Кукарача».

О н а (*фыркает*). Ку-ка-ра-ча!

В и т а л и й. ...Мультипликации Диснея. Вот пять лет назад, нет, вернее, шесть лет назад я с Бибичковым стоял весь день в очереди, чтобы попасть на первый сеанс звукового кино. Теперь цветное кино, завтра объемное. Кино убьет оперу. Останется театр интеллектуальной драмы. Где-нибудь в подвальчике. На четыреста человек. И умная, сухая пьеса. Без дураков. Без хохм.

О н а. Поездка в Красноуральск. Зачем она была мне нужна? Ночь на верхней полке жесткого вагона. Утро в Красноуральске. На улице Сашка и Катя. В эту ночь она спала с ним. И потом она обнимала меня, смеялась, заглядывала мне в глаза, целовала, любила. Можно ли

сердиться на нее? Она живет как хочет. Сашку она не поцеловала на прощанье. Провожая меня, опять плакала. Сейчас, сегодня, она, вероятно, живет уже с Колей. Можно ли обвинять ее? И днем была любовь, яростная, всеильная. Зачем? Ведь она могла пройти мимо меня. И воспоминания об Уфе. Она вышла замуж восемнадцати лет, через три дня после знакомства. Муж уже через неделю начал изменять. Мужу двадцать девять лет. Муж сейчас убежал, его ищет НКВД. Катя дала подписку о невыезде. Письма ее к мужу не пускают. Муж пишет – что с тобою, почему ты не отвечаешь на письма, на телеграммы? Катя говорит: не поеду я к нему, не люблю. Сколько было у нее друзей? Вроде меня.

О н а. Вот я месяц на Урале. Забыл ли я о Зое? Нет, я помню ее, в синем джемпере, и голые до локтя круглые руки, и ее улыбка. Я обещал Зое, что на Урале я забуду ее. А она забыла меня? Что тянет ее ко мне? Муж вполне посредственный. Ее тянет ко мне мой интеллектуальный мир, мои планы. Легкость, с которой я живу? А деньги? Что ж, не будем обвинять ее за это, если это именно так. Да, я живу легко, но я знаю, что мне нужно делать, и я работаю. Вот в чем дело, Зоя. И не сердитесь же на меня, если мне все равно нужно будет видеть вашу улыбку. Но могу ли я поручиться за себя? Нет.

В и т а л и й. Шиллер. «Коварство и любовь». Много в пьесе грубо, крикливо, выпендрено. Но это все не важно. Слишком уж велика страстность. Да, театр должен быть театром высоких страстей. Спектакль ярок, пышен. Это мне нравится. Силен и актерский состав. Да, хороший театр. Я бы хотел, чтобы моя пьеса была поставлена в таком театре.

О н а. Письмо Зои. Она бы вышла за меня замуж. Она читает Олдингтона. Ей нравится. И мне нравился Олдингтон. А Зоя? Но мне так хорошо было с нею. Кто же поручится, что всю жизнь мне будет с нею хорошо?

В и т а л и й. Стихи Блока. Страшный мир. Тоска. Хаос. Как знакомо мне, к сожалению, все это. И мне... до ужаса тоскливо.

О н а (*как эхо*). Стихи Блока. Страшный мир. Тоска. Хаос. Как знакомо мне, к сожалению, все это. И мне бывает часто до ужаса тоскливо.

В и т а л и й. Новый тридцать шестой год в Карабаше. Пиво в Доме техники. Беленькая девочка. Все же не нужно было бы пить. И утро на террасе. Как хорошо. Вот и еще новый год, двадцать восьмой год моей жизни. Я спокойно смотрю вперед. Да, я спокоен. Беленькая и маленькая Нина. Хорошо бы вернуться в Ленинград, чтобы и с Зоей хорошо и спокойно и мне все равно. Жениться? Нет, почему-то мне это не хочется. Плохо, что не хочется. Пора бы. А вот не хочется.

О н а. Вечер у Таси. Я признаюсь в самых отвратительных качествах своего характера. Моя личная жизнь? Смешно даже говорить об этом. Моя личная жизнь до мая – шесть листов о меди.

В и т а л и й. Моя личная жизнь летом – написать пьесу. Я боюсь женитьбы. По-настоящему боюсь. Вдруг опять год я не буду писать, как это было зимою тридцать второго – тридцать третьего года. Я мечтаю уже о романе в тридцать седьмом году. Ведь книга рассказов в этом году у меня будет написана. И это вне зависимости от того, напечатает «Звезда» мои рассказы или нет. Карабаш, Кыштым, Свердловск, опять Кыштым, вечер в автомобиле рядом

с Колегаевым. Синие снега. Уральские леса, заметенные снегами. Озера. Дача на берегу Иртышского озера. Концерт в Деловом клубе. Нина – беленькая девочка.

О н а. Письмо Зои. Жить не весело. Ждет меня. О муже в двух письмах ни слова. Опять говорю себе с грустью и сожаленьем: мне совсем не хочется жениться. Мне совсем не хочется жениться. Даже на Зое. Хотя бы еще год не жениться. И успеть написать пьесу и книгу рассказов. И успеть еще хоть год быть легким, беспечным и веселым. Таким веселым, каким я умею быть.

В и т а л и й. Люди доверчиво рассказывают мне о себе, и я знаю их жизни, и это трудно и плодотворно. Что же трудно? Быть внимательным к человеку. И еще труднее – писать.

О н а. Гриша ходит по пассажиру и мечтает о том, как он будет покупать духи семнадцатилетней дочери. Вот уж о чем я не смог бы мечтать никогда. О чем же мечтаю я? О романе? О пьесе? Не знаю. Вероятно, я слишком уж уверен, что имею право в итоге на спокойствие. В одном я не уверен.

В семье. В счастье семейной жизни.

В и т а л и й. «Человек-невидимка» – шедевр интриги и живописного мастерства. Очень хорошо. Утром все вспомнил заново и поразился простоте, напряженности, благородной сжатости. И основное – страшно. Да, страшно. В картине есть трагизм. Да, это явно выше среднего уровня наших картин. Как у нас много ремесленничества, штукачества, поверхностного оптимизма. Пора ехать домой. Уже пресыщенье, усталость. Дом есть дом. Вот и пора ехать домой. Много писать нужно, много работать. Вся зима – медь. Никогда еще не приходилось мне писать так много. Я расту, наступаю. И важно еще более серьезно относиться к работе и больше думать. Вот тактика.

О н а. Тактика?

В и т а л и й. Опять дома. Ленинград. Опять работа и скука. Опять думы о жизни, о путях жизни, о желаемом и достигнутом. Да, меня никто не жалел. Читал пьесу Афиногенова «Далекое» в вагоне Москва – Свердловск. И вот спектакль. Как различно восприятие зрителя и читателя. Те места, которые я пропускал, идут под аплодисменты. Много смеха. Зрительный зал сочувствует, радуется, скорбит. Я не в восторге от пьесы Афиногенова, но все же это неплохая пьеса.

О н а. Две девочки у Коли вечером. Галя – восемнадцать лет и Вера – девятнадцать лет. У Веры очки и носик кнопкой. Я уже забыл восемнадцатилетних девочек. Кто они? Спорим о Бальмонте. Стар ли я и понять ли мне этих девбах? Не знаю. Зоя мне сказала, что любит меня. А уйти от мужа невозможно. Нельзя. И это пройдет. И ей плохо. И она страдает. Что же сказал ей я? Видимо, ничего не сумел сказать. Она смотрит на меня, смеется и радуется. А мне чего радоваться? Ничего я не понимаю в маленьких детях. И вот свой ребенок? Страшно и обременительно.

В и т а л и й. Переписываю письмо Горького. «Дорогой т. Бобрышев, рассказец Василевского весьма понравился мне, очень приятно, что молодежь наша учится писать так экономно и грамотно. Я очень сомневаюсь в праве редакторов Гослитиздата не разрешать рассказы к печати, – мне кажется, что право это принадлежит только Главлиту. Будьте добры, дорогой Бобрышев, известите редакторов Гослитиздата, что я протестую против их оценки

рассказа Василевского и буду протестовать до поры, пока не добьюсь позволения рассказа к печати. „Вредной“ романтики в рассказе – нет. Клочков – „лихой парень“ – довольно частое явление и, действительно, очень вредное, а особенно – на фоне стахановского движения. Клочковых надобно „перековывать“ на работе в концлагерях...»

О н а. В концлагерях.

В и т а л и й. Две статьи в «Правде» о Шостаковиче, возмутительнейшая ругань, брань, хамство, барский тон. Что все это? Как работать? Ну а если Шостакович перестанет писать? Или застрелится? Кто будет виноват? И это после речи о кадрах.

О н а. Да, еще существует Зоя, которой хорошо только со мною, а без меня плохо. Что делать? Я одинок. Мне часто очень плохо жить.

В и т а л и й. Вечер ленинградских поэтов, отвратительное убожество. И только Тихонов настоящий. Умный, сильный, простой. Я знаю уже абсолютно о прозе – как нужно писать. Как нельзя писать. Почему же это не знают поэты?

О н а. В ТЮЗе пахнет ребятами. То ли запах пеленок, то ли запах чисто вымытого детского тела. Много хорошеньких девочек. Пятнадцатилетние девочки! Я уже стар для вас.

В и т а л и й. Музыка не создается редакционными статьями «Правды». Дейнека. Ведь и он не в почете у «Правды». И он – стилист. А какая сила – американская девушка, дороги, девушка в синих трусиках, купающиеся дети, Париж. И уже настоящая уверенность мастера.

О н а. Пил с Витей. Не надо бы мне пить. Зоя сидела на выставке, молчаливая, печальная, усталая. «Разве я говорила, что счастлива?» – спросила она.

В и т а л и й. «Лебединое озеро». Все еще мне смешно на балете. Но утром проснулся, и очарование осталось. И еще крепче. А так, конечно, пустячки. Дудинская – стандартная балеринка, без индивидуальности. Сильнее, энергичнее Иордан. Красив Чабукиани. Да, но пустяки, пустяки. Очаровательные пустяки. Я взял реванш. Просят очерк о меди. Вежливо, сухо – отказ. Победил я. Без меня не обошлось. Доволен. Я не мальчик. И, как видно, кое-что значу. Не мальчик. Корректуря двух рассказов в «Звезде». Редактор выкинул абзац. Дурак. Но рассказы неплохие. Умер академик Павлов.

О н а. Купил ботинки Сереже, сыну Зои и Виктора. Обида Виктора. Вот чепуха, не о деньгах же он беспокоится. Честолюбие отца. Мой сын! Твой, твой.

О н а. На диване, уткнувшись в подушки, плачет Зоя.

В и т а л и й. Постановление ЦК и СНК о МХАТе-2, посредственный театр, расформировать. Ну, я не думаю, что очень уж посредственный театр, но правильно, что ниже МХАТа и глупее. И другим театрам наука. Одновременно письмо Шагинян о выходе из Союза писателей, старуха сдурела, в «Правде» ее отхлестали за Собрание сочинений: стишки, фото с мамой и сестрой и папой. Нет, больше работать, думать, изучать жизнь и – победа! Есть потребность записать ряд мыслей о литературе. Потеряно чувство ответственности. Писатели с именем сидят в литературе, как помещики в вотчинах. Пошлость, мелочность, интеллигентская болтовня. Романы Пильняка, Лидина, Иванова – нежелание учиться у жизни,

изучать жизнь. Ужасный язык! Неуважение к читателю. Водевили Катаева – пошлость. Все это – в стахановском году, когда близится война. Возникает чувство ненависти, возмущения. Нет, все это мне враждебно. Я не хочу быть с ними.

О н а. Выходной день. Я одинок. Так ли уж страшно мое одиночество? И зачем мне думать о семье, мне, человеку, который должен – думать, писать, думать, писать и т. д.

В и т а л и й. Балет «Утраченные иллюзии» О. Бальзака. Осмысленный, глубоко реалистический, яркий балет. Безусловно лучше «Лебединого озера». Очень хороша Уланова.

О н а. Но эта черноволосая худенькая девушка с блестящими глазами! В ней есть очарование.

В и т а л и й. Ночь у Позняковых, стихи Виктора, крики, шум. Нет, я бы не мог. Я не мог бы. А в стихах его есть сила и лиризм, но много и болтовни. Его еще тянет строфа, а поэт не должен идти за строфой.

О н а. Конногвардейский бульвар, рыхлый ноздреватый лед под ногами и холодноватая молодая щека. Мои губы касаются ее щеки.

В и т а л и й. Март. Телеграмма. Нужно ехать в Москву на совещание. Не хочется. Я уже успокоился за этот месяц и начал работать. И проработал бы март успешно. А здесь опять встряска, московские встречи, литературные разговоры. Три дня в Москве. Больной, пытающийся острить Колегаев. Завтра его снимут? Босняцкому в «Гудке» говорят, что Вайса сняли. Вайс еще ничего не знает, считает провокацией. Книга о меди расценена как подкуп. Предложено расторгнуть договор. Так проходит земная слава. Все рухнуло. Мы собираемся на экстренное совещание. Вайс обижен, что думают все о себе, а не о нем. Но ведь так всегда бывает. Пишем письмо Колегаеву. Совещание в «Наших достижениях», план номера о дружбе. На стуле передо мною молча сидит Аннушка. За такой женщиной я бы, вероятно, пошел на край света.

О н а. Ночь, тихие улицы Марьиной Роши. Тихая, увешанная коврами комната. Козину тридцать семь лет, тихая жена, почти всегда живущая в Доме отдыха, детей не будет, сам, всё о себе, великолепное тело. А писатель? Не знаю.

В и т а л и й. Все разговоры о чтении газет, волчьем профиле, мерине, презрении жизни мне, особенно сейчас, после Москвы, отвратительны.

В Москве есть группа людей моего поколения, абсолютно социалистически чувствующих. Именно чувствующих, а не думающих. Я там свой.

О н а. Свой?

В и т а л и й. Вспоминается тридцать первый год, перрон Московского вокзала, седой, с красными пятнами на лбу Шоу. Луначарский рядом. Говорят о Шекспире. Шоу снимает шляпу. «Я не видел лоб Шекспира, но ваш лоб также очень хорош!» – говорил Луначарский. Где-то рядом леди Астор. И еще сзади человек, привыкший ко всевозможным сплетням, а потому очень спокойный, лорд Астор. Кинопросмотр. Потом Сад отдыха. Старик устал, уехал спать. Мадам пошла в сад, поглядеть, как веселятся дикари. И сильно хохотала.

О н а. День домыслов. Я одинок? Пусть. Я плохой друг? Пусть. Я ведь не говорю, что я счастлив. Но я живу так, как я заставляю себя жить.

В правильности моей жизни я не сомневаюсь. И я принимаю любые обвинения, но не хочу отказаться ни от уже завоеванного, ни от того, что мне еще предстоит завоевать. Ночью, проснувшись, я думаю о ней с такой нежностью, с такой тоской. Я помню ее в эти минуты. Но любить ее мне не нужно. Симфонический концерт оркестра филармонии. Вероятно, я не понимаю ничего в музыке. Мне просто хорошо. И патетическая симфония для меня – лишь повод для мыслей о своей жизни, о своем одиночестве и еще об одной женщине, которая говорила мне недавно, что любит меня.

В и т а л и й. Кинофабрика. Коля Коварский, Белицкий. Разговор о сценарии. Тема – Магнитка. Будет работать бригада: Виктор Шкловский, Андрей Платонов, Виталий Василевский. Я пробормотал что-то невнятное. Нужен сценарий эпического фильма. Я сказал, что в негры не пойду. Все замахали руками. Нужна литературная работа. Видимо, ничего из этого не выйдет, но как факт моей литературной биографии не случаен.

О н а. Цензура выкинула из рассказа «Хорошая смерть» еще абзац о монашках из лагеря для спецпереселенцев. Обо всем помни, всего опасайся. Трудно писать.

В и т а л и й. «Аристократы» Погодина. После Свердловска и Бердянска, то есть двух просмотров пьесы, в БДТ пьеса показалась мне значительно хуже и примитивнее. Очень все сусально, элементарно, слезливо. Есть, конечно, хорошие куски, но они не могут спасти всю вещь. Поставлено ярко и довольно разнообразно, но утомляют непрерывные перебежки, выкрики. Это все от плохого Мейерхольда.

О н а. Как много хороших девушек в филармонии! Пусть же разрешено будет мне думать не о музыке, а о девушках.

В и т а л и й. «Звезда», номер второй, рассказы, испорченные опечатками и уже потому не такие, какими бы я хотел их видеть. И еще цензурные выкидки. Опять я мало работаю, и очень много скучаю, и очень много думаю о вещах, о которых мне бы думать сейчас не нужно. Писать тридцать листов в год не нужно. Нужно писать немного, но больше читать и учиться. Пусть Герман пишет тридцать листов в год. Мне ведь не жалко.

О н а. «Похождения Тома Сойера». Спектакль в ТЮЗе, очарование детской радости, мальчик рядом со мною кричит: «Ууу, индеец, я бы ему вот так и задал!»

В и т а л и й. Шервуд Андерсон, «Уайнсбург, Огайо» – пожалуй, лучшая книга из всех, которые я читал за это время. Ее сила в правдивости. В искренности. В отсутствии тенденциозности. (После паузы.) Плохой тенденциозности. Если бы мне писать так? Опять нет денег. Это меня немного пугает. Видимо, нужно работать и на поденщине. Я не могу сказать, что мало зарабатываю, но явно, что заработок неустойчив и часто случаен.

А ведь деньги нужны.

О н а. Виктор и Зоя, ссора с царапинами и синяками, рыдания сего двадцативосьмилетнего мужа. Я виноват, что «испортил» жену. Кто же виноват, что жена «испортилась»? Безденежье, я полагаю. Виктор говорит, что ему мешало дворянство. А лень? Бог мой, мне-то какое дело!

В и т а л и й. В газетах прекрасная, суровая, мужественная речь Тихонова на дискуссии. И очень хорошо говорил Зоценко. Но что дают дискуссии? Я сажусь за письменный стол, и мне трудно. Завтра кончаю очерк о Пышме. Наука: не братья за грандиозные темы. Но, видимо, очерк неплохой, несмотря на незавершенность композиции и ситуаций.

О н а. Весны еще нет, и я рад этому. Мне бывает в весенние вечера одиноко, скучно. Разве я не привык к скуке? А весенние закаты мне и сейчас дороги. Очень плохое состояние духа. Ссора с Зоей. Можно ли это назвать ссорой? И вот не думать бы мне о Зое, а вспоминать толстенную Балабину и все виденное в театре, и успокоиться, и опять работать, работать сильно, энергично, бешено.

В и т а л и й. Пятое мая. Мне уже двадцать восемь. Вот так назвать книгу? Да, двадцать восемь. И сделано меньше, чем я мог сделать. Но все же есть книга очерков, собранная, и в этом году напечатано четыре хороших вещи: старики, моряки, две Магнитки. И еще написаны «Зной» и «Пышма». Да, кровь наполняет вены, сердце работает еще без перебоев. Чего мне грустить!

О н а. У Виктора родился сын. «Мне худо», – говорила эта курносая женщина, лежащая на диване. Я еще раз позвал ее к себе. Почему-то мне кажется, что с нею мне будет хорошо.

В и т а л и й. Мне нужно, видимо, осенью обязательно переехать в Москву. Здесь я одинок, бесприютен и несчастен.

О н а. Кровать отодвинута от стенки, дабы не кусали клопы, и ночной горшок, символ семейного счастья, виден очень отчетливо. Так проходят иллюзии любви и счастья. Ночью я иду через пустынный город. Буду и я жить сам по себе. Буду и я еще суше, скупее, угрюмее. «Я – дура, Виталий», – говорила мне эта женщина. Я так и не могу забыть ее и вот сижу, как дурак, в тоске и одиночестве и жду ее. А зачем мне она? Весенний день за окном моей комнаты. Надвигается лето. А я не знаю, что буду делать летом, и где жить, и как жить, и с кем жить. Письмо из Свердловска, от милой хромоножки. Ей, видимо, я нужен, и она бы любила меня рабски и беспредельно, ну, так любила, как Зоя любит своего мужа.

В и т а л и й. «На бойком месте», «Отелло». Остужев, Пашенная, Садовский. Какое созвездье! Да, мне это все нравится, хотя в маленьком фанерном театрике Радлова все было как-то чище и честнее. Но, может быть, потому, что со мною была Зоя. О, чужая жена! О, не моя девочка! Нужно бы написать пьесу.

О н а. О, не моя девочка!

В и т а л и й. Ведь даже Иткин написал пьесу!

О н а. Вино и беседы с Виктором. Девять лет дружбы! Не нужно ссориться мужчинам из-за женщины. Опять бесплодная поездка на кинофабрику. Коля Коварский все еще обещает напечатать «Зной». Никитину он заплатил по тысяче пятьсот за лист. Уезжаю в деревню. Рад. Мне все же трудно жить. А самое плохое, что начинаются белые ночи.

В и т а л и й. Был в Солецком районе, было худо, скучно, а вернулся – и рад, что ездил. А колхозы плохие. Афоничев учит меня, как надо жить, и дает пример Кетлинской, грубой, вульгарной и неумной писательницы.

Он во многом прав, но надо быть еще лучше, легче, свободнее, без канонов. А Кетлинскую уважают больше меня.

О н а. Горький умер!

В и т а л и й. Умер Горький. Вот сказочная жизнь! И как назвать эти годы жизни – подвигом? праздником? Я узнал Горького в Белебее, лет шестнадцать назад, и все это время я – шел к Горькому. Думал ли я тогда, пионер, что буду работать в горьковском журнале «Наши достижения»?

А живого я его не видел.

О н а. Вчера у меня был скучный и плохой день.

В и т а л и й. Горький похоронен. Красная площадь. Сталин несет урну. Слова Молотова, что после смерти Ленина это самая тяжелая утрата.

О н а. На пляже эта женщина поцеловала меня в щеку. Зачем? Она была похожа на девочку, глупую, курносую, тихую.

В и т а л и й. Так. Записать. Поездка в Череповец. Председатель сельсовета Зайцев, сенокос, райком комсомола, белые пароходы на Шексне, спектакль в летнем саду. Нужно ездить. Еду в Горьковский край. Нужно ли ехать? Ведь еще не кончена медь. И выходит, что я набираю работу до Нового года. На всю осень и зиму. А где же отпуск? У меня, выходит, и на отпуск нет времени. А ведь я еще мечтаю написать пьесу и зимою начать писать роман. Вольбе, умный критик, а ловит меня на улице и читает главы из книги. Человеку сорок шесть лет, а не понимает, что смешон. «Вы читали мою статью?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.